

Для моей мамы, навсегда

Люди съезжаются отовсюду, чтобы забыть.

Я ставлю кувшин с водой, а затем схожу с веранды. Облако пыли поднимается вслед за красно-коричневым фургоном, приближающимся к нашей подъездной аллее. Автомобиль плавно скользит возле других машин, выстроившихся перед нашим домом. Полная женщина, сгорбившаяся за рулем, ничем не отличается от остальных людей, совершающих сюда паломничество: уставшие от долгой езды, отягощенные нежелательными воспоминаниями и нестерпимо хотящие в туалет.

Мне приходится щуриться из-за яркого солнца, чтобы лучше разглядеть номерной знак. Виви всегда говорила нам с мамой не слишком надеяться, что сюда приедут из Аляски или Гавайев, потому что эти места находятся слишком далеко. Но я считаю, что однажды сюда будут приезжать люди из каждого штата, готовые похоронить то, что заставило их проделать этот долгий путь в Тамбл-Три, штат Техас.

— Оклахома, — произношу я, наконец разглядев номерной знак.

Мы перестали считать оклахомцев несколько лет назад, когда отметки галочкой заполнили целую страницу моей записной книжки. Оклахома — это весьма далекое место от Тамбл-Три: семьсот двадцать девять миль, если быть точной. Но этого недостаточно, чтобы получить еще одну страницу в моей записной книжке. Ни в коем случае. Черт, я бы предпочла Луизиану или даже Кентукки Оклахоме. Мама всегда говорила, что в Оклахоме примерно так же «увлекательно», как и в Тамбл-Три. А здесь, стоит заметить, нет ничего, кроме грязи, пыли и пыльной грязи.

Я прикасаюсь к кольцу, надетому на палец правой руки, — обручальное кольцо, которое папа подарил маме, когда она впервые приехала в Тамбл-Три. Я вдруг представляю, как она закатывает глаза, глядя на номерной знак этой машины.

Женщина пинком распахивает дверь своего автомобиля, затем отталкивается от сиденья, тем самым продвигаясь к выходу. Следом за ней на землю выпадают несколько оберток от конфет и пустая пачка «Читос». Судя по ее сморщившемуся носу, могу сказать, что Дом Воспоминаний — это не то, что она себе представляла. А может быть, она не думала, что рано утром здесь уже будет около тридцати двух градусов.

— Люси!

Я подсказываю. Виви стоит на покосившейся веранде в слишком облегающем голубом платье; ее левая рука лежит на талии. Она смотрит

Вспомни меня

на меня так, словно это моя вина, что оно сильно сдавило ее тело. Иногда мне кажется, у нее такая тонкая талия только потому, что она постоянно упирается кулаками в бока. Она любит хвастаться людям в городе, что работает помощником по административным вопросам у моего отца. Однако эта должность была бы точной только в том случае, если бы означала, что ее единственной целью является помогать моему отцу в управлении мной. Но я не виню ее за хвастовство своей работой — это гораздо лучше, чем работать на шахтах, как остальная часть города.

Я демонстративно, с неохотой поднимаюсь по ступенькам, не обращая внимания на то, что толпа людей, ожидающая встречи с отцом, наблюдает за мной.

Виви указывает на запотевший кувшин с водой, оставленный мной на веранде.

— Чем ты вообще занимаешься, Люси? Эти несчастные люди изнывают от жары и жажды. Где твоё воспитание? Ты ждешь, пока я выполню твои обязанности за тебя? — Она тут же указывает на гипс, наложенный на правую руку, как будто я не до конца понимаю, что рука сломана. Словно она не машет ею у меня перед носом все лето.

— Я как раз это и собиралась сделать через секунду.

Мне хочется задать вопрос, почему я вынуждена изображать роль официантки, когда сегодня должен быть первый день моей практики. Разве я не должна заниматься чем-то более важным, на-

пример наблюдать за работой папы или очищать мысли после обеда? Вместо того чтобы препираться этим ранним утром. Это портит Виви настроение, а нет ничего хуже, чем Виви в дурном расположении духа.

Женщина из Оклахомы наконец-то доходит до дома и шумно выдыхает, словно эта короткая прогулка отняла у нее все силы. Щеки покраснели от жары. Я отхожу в сторону, чтобы дать ей возможность подняться по лестнице. Женщина внимательно осматривает вспотевших людей, которые столпились на веранде, после чего замирает на минуту, приняв такой вид, будто сейчас убежит.

Виви отворачивает от меня свой пристальный взгляд, чтобы одарить женщину одной из своих приторно-сладких улыбок.

— Добро пожаловать! Полагаю, вы здесь, чтобы увидеть мистера Миллера?

Женщина кивает, ее взгляд замирает на облупившейся табличке, висящей над такой же облезлой входной дверью: **ДОМ НЕЖЕЛАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ МИСТЕРА МИЛЛЕРА.**

Ремонт дома — то, чем я займусь в первую очередь, когда начну зарабатывать деньги.

— Что ж, вы приехали по адресу. Надеюсь, вы не против подождать, — Виви движением указывает на группу людей, исчезающих за витиеватой верандой, — мы вскоре запишем ваши данные. Затем она вновь перемещает свой взгляд на меня. — А Люси принесет выпить что-нибудь холодное. Пожалуйста, почувствуйте себя как дома.

Вспомни меня

Если вы желаете присесть, повсюду стоят раскладные стулья.

— Спасибо, мэ. — Женщина из Оклахомы опускает взгляд, затем вновь смотрит на нас. — Могу я, эм, воспользоваться уборной?

— Конечно, — вновь улыбается Виви. Затем кивает в мою сторону, давая понять, что это моя работа — показывать, где она находится. Как будто мне нужно дополнительное напоминание.

— Сюда, — говорю я со вздохом.

Женщина следует за мной на задний двор, затем я указываю на маленькое белое строение, обшитое досками. Оно было сооружено отцом несколько лет назад. Выглядит так, будто стоит чихнуть, и оно обрушится, но зато там чисто. Я это знаю наверняка, потому что сама там и убирала.

— Не волнуйтесь, — говорю я, когда женщина начинает сомневаться. — На вид удручающе, но внутри мило. И там есть вентилятор, поэтому не так душно.

Она кивает, но не сходит с места.

— Мэм, все в порядке?

Она смотрит мне в глаза: брови сдвинуты, уголки губ опущены вниз, и клянусь, я могу разглядеть печаль, вдавливающую ее в самую землю. Плечи опущены, лицо поникшее. Она выглядит так, словно потеряла кого-то очень важного. Мне это чувство очень хорошо знакомо. Плюс здесь таких много.

— Это больно? — решает она спросить, крепко прижимая сумку к груди, словно щит. — Когда мистер Миллер забирает воспоминания?

— Нет, мэм, — отвечаю я несмотря на то, что не могу по собственному опыту сказать, как это в действительности ощущается. Но зато я знаю, как люди выглядят после: на их лицах не остается ни следа от той боли. — Это... дарит умиротворение. Люди всегда уходят отсюда счастливыми. Я обещаю, впоследствии вам станет намного лучше. Словно с ваших плеч упадет груз, который вы все время носили, но не знали об этом.

Я хочу сказать ей, что то, чем занимается мой отец, — прекрасно. Хочу рассказать, что люди, возвращаясь домой, выглядят так, будто парят в облаках. Словно их страдания были болезнями, которые отец вылечил. Мне хочется рассказать, что я буду как папа, но вместо всего этого я улыбаюсь и киваю в направлении уборной, потому что женщина выглядит так, словно вот-вот взорвется.

— На случай, если вам что-нибудь понадобится, меня зовут Люси, — добавляю. Затем я разворачиваюсь и направляюсь назад к дому, борясь с желанием побежать.

Потому что, как только я закончу со своими обязанностями, я впервые заберу воспоминание.

Я прислоняю ухо к двери рабочего кабинета отца, вслушиваясь в шум голосов по ту сторону. Иногда у него уходит несколько часов на то, чтобы убрать бремя воспоминаний. Иногда достаточно и минуты. Папа говорит, некоторые воспоминания похоронены так глубоко, что при-

Вспомни меня

ходится тянуть за все корни и частички, прежде чем они полностью выйдут наружу. Другие же свободно перетекают ему в голову — он как губка, впитывающая воду.

За дверью тихо.

Я жду еще немного. Когда я уверена, что внутри больше никого нет, поворачиваю дверную ручку и захожу в маленькую комнату. Отец на своем обычном месте, за большим деревянным столом. Перед ним лежит недоеденный сэндвич. Рядом со стулом наполовину разорванная картонная коробка с пластиковым шаром, предмет посуды бренда «Тапервер», полный печенья, и нечто, похожее на керамического садового гнома, — скорее всего, таким образом пациент решил обойти полную оплату. Рядом находится другая коробка, заполненная пустыми сосудами, в которые отец будет переносить воспоминания. Подход папы «кто как может, так и платит» — причина того, что наш дом выглядит как строение, подлежащее сносу бульдозером. Я много раз говорила ему быть строже в вопросе оплаты, но достаточно грустного взгляда, душещипательной истории, и вот он уже урезает цену вдвое в качестве скидки. И, видимо, на это барахло мы будем чинить веранду. Ради всего святого, вот что нам делать с этим садовым гномом?

Я прочищаю горло.

Когда папа поднимает взгляд, его брови вопросительно сдвигаются.

— Что-то случилось, Люси?

— Четверг. После обеда. Помнишь?

От взгляда отца в груди знакомо защемило. Его брови еще сильнее сдвинулись.

— Ты забыл, — я не добавляю «снова», хотя это слово так и крутится на языке. Я сажусь на потрескавшийся кожаный стул перед его столом и кладу записную книжку на колени, ручка уже наготове. На этот раз ему от меня не отделаться. — Ничего страшного. Самое главное, что я здесь, сегодня четверг, и ты обещал.

— Ну, — его взгляд блуждает по комнате, избегая моего лица. — Послушай, я не уверен, что... просто... сегодня просто не... завтра, может быть, будет лучше...

— Ты обещал.

Он втягивает воздух, как будто собирается еще что-то сказать, но я его перебиваю.

— Что бы сказала мама, если бы узнала, что ты отказываешься от своих слов?

Если быть точной в этом вопросе, он уже нарушил слово, отнекиваясь от меня на протяжении всего этого времени. Мне исполнилось шестнадцать недель назад. Он откидывается назад в кресло, осознание поражения его омрачает; я на него не давлу. Возможно, он думает о маме, как она раньше любила танцевать вокруг Дома Воспоминаний, словно это было неким благоговейным местом. Она находила нечто прекрасное в освобождении от воспоминаний. И точно так же, как я, она бы покачала головой, цокнула языком, разочарованная тем, что папа ведет себя так, словно шестнадцать лет — все еще недостаточно подхо-

Вспомни меня

дящий возраст. Как будто бы я никогда не сталкивалась с печалью. И бременем воспоминаний.

Взгляд отца перемещается с маминой фотографии, что стоит на столе, к окну, из которого можно увидеть людей, стоящих внизу и ожидающих своей очереди под палящим солнцем. Они заслуживают того, чтобы их быстро приняли. Но вместо этого им приходится днями напролет ждать приема, чтобы освободиться от своих печалей. А если бы еще и я занималась семейным бизнесом, это происходило бы гораздо быстрее. Они заслуживают нашей помощи, а не только помощи папы.

— Может быть, я могу попрактиковаться на ком-то из тех людей? — предлагаю я. — Хочешь справиться со всей этой очередью в одиночку? С каждой неделей появляется все больше и больше людей. Тебе нужна моя помощь, пап. Ты не можешь продолжать этим заниматься в одиночку. — Мой голос звучит мягко, вкрадчиво, хотя на деле я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать на него. Мне так хочется ему напомнить, что все это время я была чертовски терпеливой, и, в конце концов, обещание есть обещание.

Отец потирает переносицу и вздыхает. Затем мы вместе подходим к дивану у противоположной стены, чтобы сесть. Я чуть не перескакиваю через папу, так как хочу усесться как можно ближе к нему.

— Я знаю, Люси, ты считаешь, что все это сплошной блеск и слава, но изъятие воспоминаний оставляет на тебе след. Даже твой прапра-